

**Андрей Константинов
Борис Подопригора**

ЕСЛИ КТО МЕНЯ СЛЫШИТ

Легенда крепости Бадабер

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
К65

Серия «Мастера криминальной прозы»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

**Константинов, Андрей Дмитриевич,
Подопригора, Борис Александрович**

К65

Если кто меня слышит (Легенда крепости Бадабер) / Андрей Константинов, Борис Подопригора.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 509, [2] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17 -096474-1

В романе впервые представлена подробно выстроенная художественная версия малоизвестного, одновременно символического события последних лет советской эпохи — восстания наших и афганских военнопленных в апреле 1985 года в пакистанской крепости Бадабер. Впервые в отечественной беллетристике приоткрыт занавес таинственности над самой закрытой из советских спецслужб — Главным Разведывательным Управлением Генерального Штаба ВС СССР. Впервые рассказано об уникальном вузе страны, в советское время называвшемся Военным институтом иностранных языков. Впервые авторская версия описываемых событий исходит от профессиональных востоковедов-практиков, предложивших, в том числе, краткую «художественную энциклопедию» десятилетней афганской войны. Творческий союз писателя Андрея Константинова и журналиста Бориса Подопригоры впервые обрел полноценное литературное значение после их совместного дебюта — военного романа «Рота». Только теперь правда участника чеченской войны дополнена правдой о войне афганской. Впервые военный роман побуждает осмыслить современные истоки нашего национального достоинства. «Если кто меня слышит» звучит как призыв его сохранить.

Подписано в печать 11.02.16.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Константинов, Б. Подопригора, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть I

ВИИЯ

1

С раннего детства обнаружилась у Бори Глинского одна любопытная особенность — он совершенно не тяготился одиночеством. Нет, мальчишка рос совершенно нормальным, мог и со сверстниками поиграть во дворе, и взрослых не дичился, в общем, как бы выразились во времена уже не советские, «аутизмом и социопатией» не страдал. Но супругам Глинским частенько приходилось оставлять малыша дома совсем одного — в тех замечательных местах, где прошло дошкольное детство Бориса, с детскими садами и яслями были, мягко говоря, проблемы. Отец Бори, Владлен Владимирович, получил к моменту рождения наследника звание подполковника. Кадровый офицер-фронтовик — на его кителе, помимо прочего, были нашиты две красные и одна жёлтая нашивки за ранения, — Глинский-старший, как выражались в те далекие годы, «ковал ракетный щит Родины». А мама Бориса, Надежда Михайловна, была врачом. Причём потомственным.

Так вот, поскольку до полковничьих звезд Владлена Владимировича семья Глинских систематически меняла полигоны-«почтовые ящики», Боре действительно часто приходилось оставаться одному в служебной квартире — отец, ясное дело, с утра до ночи на службе пропадал, а маму частенько дёргали, потому что в тех укромных местах хороших солдат и офицеров было во много-много раз больше, чем хороших

врачей. Так что Надежда Михайловна, официально не работавшая, была более чем востребована и авторитетом пользовалась чуть ли не таким же, как подполковник Глинский. И если поначалу, убегая на вызов, Надежда Михайловна как-то пыталась пристроить малыша какой-нибудь офицерской жене-соседке, то вскоре, после пары безвыходных ситуаций, она заметила, что её Боренька может замечательно поиграть дома и один. Сын спокойно находил себе какие-то занятия, не кричал, не плакал, не разбрасывал вещи и не бил посуду — в общем, не выказывал свой детский протест. А ведь Надежде Михайловне, бывало, приходилось убегать не на пару часов, а аж на полдня — и ничего. Однажды (Боре тогда исполнилось пять) Глинскую слёзно умолили выехать на сложный случай километров за шестьдесят от гарнизона. На обратном пути Надежда Михайловна уже вся просто извелась в мыслях о не кормленном, брошенном ребёнке. Но когда она вбежала в квартиру, маленький Боря сидел за столом и ел борщ, который умудрился и сам разогреть на плите, и аккуратно налить себе из кастрюли в мисочку. Правда, эту мисочку из-за ветхости накануне отдали коту-персу по кличке Слон. Надежда Михайловна только ахнула, а ночью с гордостью рассказывала всё мужу. Глинский-старший лишь одобрительно хмыкнул.

В одиночестве и тишине Боря подолгу рассматривал награды на парадном отцовском мундире. Их было много, только орденов Красной Звезды целых три, а уж медалей... Боря осторожно дотрагивался пальчиками до орденов и грезил, пытался представить себе подвиги, совершенные отцом. Дело в том, что Владлен Владимирович категорически не любил говорить о войне и от вопросов сына, типа «пап, а за что тебе вот этот орден дали?», либо отшучивался, либо отмахивался. Боря сначала обижался, а потом привык, спрашивать перестал, зато научился фантазировать, рассматривая награды. Они казались ему невероятно красивыми. Красивее, чем ёлочные игрушки.

У мамы, кстати, тоже были награды с войны — две медали — «За взятие Будапешта» и «За Победу над Германией». Они лежали в бархатной коробочке из-под часов в комод, но Надежда Михайловна их почему-то никогда не надевала. Никогда. Даже на 9 Мая. Даже когда однажды отец её осторожно попросил об этом. Глинская лишь покачала головой, и отец, вздохнув, сменил тему. Войну Надежда Михайловна тоже вслух почти не вспоминала, и Борис лишь случайно, когда в гости к Глинским пришли давние сослуживцы, за шумным застольем узнал, что родители его познакомились как раз на войне. Потом историю их знакомства и развития отношений Борис складывал буквально по крупицам из обрывков разговоров, из найденных всё в том же комод, нескольких писем, почему-то сложенных треугольниками. Спрашивать напрямую Борис стеснялся. Постепенно в его голове укоренилась такая версия: мама была медсестрой и познакомилась с отцом, когда вытаскивала его раненого с поля боя. Много позже выяснилось, что всё было не так. Уже заканчивая школу, Боря узнал, что родителей мамы, врачей, репрессировали накануне войны. Саму Надежду Михайловну, можно сказать, спас фронт. Отношения с Глинским у неё завязались ещё до его тяжёлого ранения. А потом они надолго потеряли друг друга из виду. Владлен Владимирович кочевал по госпиталям, а в жизни мамы появился другой человек, тоже офицер. Он погиб в сорок пятом — как раз под Будапештом. Как маме, дочери сразу двух «врагов народа», удалось восстановиться в мединституте, Борис так и не узнал. Вроде какой-то генерал — начмед фронта помог...

А потом они снова встретились уже в начале пятидесятых. Над Надеждой Михайловной тогда сгустились тучи. Она однажды дежурила по госпиталю и, чтобы скоротать время, позвонила знакомой провизорше в аптеку. Аптеки, кстати, тогда дежурили круглосуточно, и их, что любопытно, сплошным образом телефонизировали. Так вот, аптекарша продиктовала Наде ребус-шараду:

— Нарисуй рожицу с волосами. Над ней — утюг... Нарисовала?

— Ну...

— А внизу напиши: «папа-мама»

— Ну написала...

— А теперь оба этих слова жирно зачеркни.

— Зачеркнула.

— И что получилось?

— Да ничего. Глупость какая-то.

— Нет. Подумай.

— Любка, хватит! Что тут думать?

— Ну ладно. Смотри: «папу-маму» зачеркнули, значит, наша рожица — безродный. Поняла?

— Ну и...

— А утюг над волосами — это он «космы палит». Поняла? Получается «безродный космополит».

— Ой, и дурная же ты, Любка! Дошутишься...

А с «безродным космополитизмом» тогда боролись со всей, можно сказать, классовой беспощадностью. Бумажка же с записанной шарадой попала на глаза кому-то «бдительному». А госпиталь, где работала Надежда Михайловна, обеспечивал центральный аппарат Министерства обороны. И, в общем, сначала-то закрутилось всё совсем нехорошо. Но потом несчастье помогло последующему счастью. Знакомый военный контрразведчик рассказал за рюмкой Глинскому смешной эпизод с шарадой и дурой-врачихой. Прозвучала и фамилия. Владлен Владимирович сначала решил, что это просто совпадение — однофамилица. Мало ли в России Фирсовых!

Но не поленился уточнить. Оказалось — «раннефронтая» любовь. Спас её в итоге фронтовой командир Глинского, ставший уже маршалом. А фамилия у маршала была Неделин. Вот так. Ни много ни мало.

Неделин, кстати говоря, и свадьбу-то практически в приказном порядке устроил. Он любил и ценил Глинского, а потому сказал, как отрезал:

— Вот что, майор, заканчивай с холостой жизнью. Одни бабы после войны, холостяк в наше время — это, считай, не-сознательность, недопустимая для офицера и коммуниста. Бери свою несознательную докторшу — и в ЗАГС, перевоспитывай! А там я найду куда тебя направить...

И ведь направил же. Не обманул. Полигонной житухи Глинские похлебали полным лаптем. Но в первый класс школы Боря, сын полковника Глинского, пошёл уже в Москве, куда перевели отца. Если кто-то решит, что жить семье стало легче, то ошибётся: папу Боря, считай, совсем перестал видеть, потому что Владлен Владимирович постоянно летал на транспортниках Ли-2 «по ленинским местам». Глинский всё время «выбивал-проталкивал» какие-то «изделия» для Ленинска. А Ленинском тогда именовался, между прочим, космодром «Байконур».

Надежда Михайловна дома тоже не расслаживалась: в Москве она наконец начала серьёзно работать по специальности, и, надо сказать, не без карьерных успехов — когда Борю принимали в пионеры, у него уже не только отец стал генералом, но и мама заведовала отделением в Центральной клинической, что во врачебной среде котировалось весьма и весьма.

Впрочем, Борису и в голову бы не пришло хвастать положением своих родителей перед одноклассниками. Научиться чванству у отца или матери он не мог по определению. Мать обладала хорошим чувством юмора, и к тому же в её шутках постоянно сквозила самоирония. А ведь известно же, что у людей хвастливых и чванливых, ужаленных «звездухой», как правило, и с чувством юмора плохо, и с самоиронией вообще никак. Не иронизировала она, лишь когда подпевала под музыку из радиоприёмника (потом это назовут «караоке»): «Эй, веселей запевайте вы, соколы, армии Красной сыны».

Отец же... Он, конечно, шутил редко, был скорее суховатым человеком, но на шуточные подколлки супруги реагировал адекватно, улыбался и хмыкал. Смеяться он почти не умел. Глинский-старший очень был похож на главного героя

фильма «Офицеры» — не внешне, а по манерам и характеру. Парадокс заключался в том, что этот фильм отец почему-то не любил. Вернее, Борису так казалось, что не любил, потому что вслух своего мнения о фильме генерал никогда не высказывал.

Владлен Владимирович вообще не очень любил кино, в отличие от Надежды Михайловны, которая хоть и норовила высмеять почти каждую новую ленту, но при этом старалась не пропустить ни одну знаковую премьеру. Компанию ей в основном составлял, конечно же, Боря, достаточно рано пристрастившийся из-за этого к «взрослому» кинематографу. Изредка, но всё же бывало, что семья Глинских ходила в театр или в кино, так сказать, в полном составе. Один такой совместный культпоход почему-то навсегда врезался Борису в память.

Это была премьера нового фильма о войне по повести очень известного советского писателя-фронтовика. В ней рассказывалось о том, как два артиллерийских взвода держались против немецких танков. Глинские — отец и мать — оба читали эту повесть и даже спорили о ней однажды на кухне за ужином. Надежда Михайловна, как всегда, иронизировала, а генерал же не соглашался с ней и особенно напирал на то, что «с чисто военной точки зрения ситуация изложена правильно».

Вот Надежда Михайловна и расстаралась достать билеты на премьеру экранизации — мужу редко что-то нравилось из художественной литературы.

Боре фильм очень понравился. У него даже в глазах защипало в конце, когда почти все «наши» погибли. А вот генерал Глинский весь сеанс хмыкал и ёрзал, бросая сердитые взгляды на жену, многократно всхлипывавшую на протяжении фильма. Боре, правда, показалось пару раз, что мать всхлипывает от смеха...

Когда они вышли из кинотеатра, Владлен Владимирович что-то сердито пробубнил себе под нос и закурил. Боря дёрнул его за рукав шинели и громко спросил:

— Пап, а тебе понравилось? Мне — очень! А правда, они здорово жгли эти танки?

Генерал Глинский нахмурился и кивнул:

— Правда. Здорово.

Потом он помолчал, несколько раз куснул бумажную папиросную гильзу и добавил:

— Только так танки не жгут.

— Почему? — не понял Боря.

— Ну потому что не получалось их так жечь,— пожал плечами отец, явно не желавший давать более развёрнутые комментарии. Надежда Михайловна не выдержала и всхлипнула еще раз:

— Ой, не могу! Как ты тогда говорил: «С чисто военной точки зрения...»

— Так это ж я про то, что написано было, а не про то, что снято. Написано было правильно.

— Да-да-да,— притворно согласилась мать, блестя глазами.— Особенно про любовь. Так трогательно. И главное, так достоверно. Прямо вот смотрела я на эту медсестричку и себя вспоминала.

— На-адя! — сердито дёрнул седым усом генерал.

— Ну да,— хмыкнула Надежда Михайловна.— Любовь на войне — это вопрос не военный, а гражданский.

Вроде бы даже какой-то подтекст был в этой её реплике, потому что генерал как-то странно отвернулся и, явно чтобы сменить тему, сказал Борису:

— Больше читай, Боряша. Режиссёры, как правило, портят хорошие книжки.

Надежда Михайловна мужа поддержала:

— Не всегда, но часто. А исключения только подтверждают правила. Если научишься правильно читать — будешь своё кино снимать и видеть.

— Как это? — не понял Боря.

— Очень просто. Читаешь и перестаешь видеть буквы, видишь героев и то, как разворачиваются события. Как будто в

голове свой собственный фильм снимаешь. Воображение начинает стимулировать работу мозга. Вообще, сынок, чтение — это единственное, что по-настоящему развивает мозг. Это я тебе как врач говорю. Неплохо бы эту истину усвоить и ряду товарищей с военной точкой зрения.

— А вот когда мне читать? — взвился Владлен Владимирович.

— А с чего ты взял, что я именно и только тебя имела в виду? — мгновенно парировала мать.

— А... А кого тогда ещё? — обескураженно спросил «попавшийся» генерал, и Надежда Михайловна звонко рассмеялась. Боря тоже заулыбался, он посмотрел на покрасневшую мать и подумал, что она очень красивая и совсем даже и не старая...

С этого разговора, наверное, и вошли по-настоящему в жизнь Бориса книги. Тем же вечером, после возвращения из кино, он попробовал «читать с воображением». У него как раз не очень шёл «Том Соьер» Марка Твена — всё никак не мог «домучить» книжку. Теперь же Боря попробовал представить себе героев вживую, подарить им лица и голоса... И ведь получилось! Не сразу, но спрятанные в строчках люди стали вдруг оживать в голове у мальчика. Постепенно он научился слышать и видеть сквозь строчки, а иногда ему даже чудились запахи той, другой жизни...

Книги так быстро «зацепили» Бору, что родители только удивлялись. Мальчик, по-прежнему не тяготясь одиночеством, читал всё подряд. Он разваливался на большом диване, обкладывался книгами и... понятия «отбой» не ведал. Читал даже предисловия к каким-то техническим справочникам. У него появилась странная манера читать по несколько книг одновременно.

Отец этого совершенно не понимал, считал, что сын дурачится, и даже пытался проверить Бору на предмет усвоения прочитанного — в том числе и по техническому справочнику. Результаты проверки генерала очень удивили. Сын подробно

и толково пересказал куски из разных книг. А по справочнику забросал отца вопросами.

Надежду Михайловну же странная манера Бориса читать несколько не тревожила. По крайней мере «как врач» она в этом ничего опасного не видела.

Правда, ограничивать Бориса в чтении всё же через некоторое время пришлось. Дело в том, что, как ни странно, любовь (скорее даже страсть) к книжкам нелучшим образом сказалась на успеваемости в школе. Боря как-то разом «просел» почти по всем предметам, за исключением литературы и истории. Да и, пожалуй, диктанты он стал писать лучше. А вот математика, физика, биология и даже физкультура...

В общем, кончилось всё визитом классной руководительницы Веры Васильевны к Глинским домой. И надо же как не повезло Боре: отец как раз дома был — редкий случай...

Родители долго пили чай на кухне с Верой Васильевной. О чём они говорили, Боря не слышал — его выставили за дверь кухни сразу же, но он понимал, что ничего хорошего этот визит, конечно, ему не сулит.

Его позвали, только когда Вера Васильевна собралась уходить, чтобы он попрощался с классной. Генерал подал учительнице плащ, она поблагодарила и, застегивая пуговицы, сказала, обращаясь, главным образом, к Надежде Михайловне:

— Это хорошо, конечно, что мальчик читает. Плохо, что он художественную литературу читает даже на уроках. И вообще, сверхопытное чтение воспитывает безволие.

Потом Вера Васильевна поправила очки и повернулась уже к Владлену Владимировичу:

— Я надеюсь, вы сумеете должным образом воздействовать на Борю. У него есть все данные, чтобы учиться не просто хорошо, но даже отлично. Только для этого нужно себя немножко заставлять. Вы, как человек военный, должны это понимать. Тем более что школа у нас хоть и английская, но требования по остальным предметам — самые обычные, не завышенные... Вот в университетской...

Про «не завышенные требования» Вера Васильевна вернула, разумеется, намекая на генеральские погоны Глинского-старшего. Мол, при ваших-то, товарищ генерал, возможностях вы могли бы отдать сына и в школу при университете. В своей же школе Боря был единственным «генеральским сыном», да и не просто «генеральским». В те времена о принадлежности к «знати» судили не столько по служебной даче, сколько по наличию на ней телефона. Так вот: на служебной даче генерал-лейтенанта Глинского телефон был. И об этом, разумеется, знала вся школа.

После ухода классной руководительницы в квартире воцарилась нехорошая тишина, которую прорвал шумный выдох Владлена Владимировича:

— Да, сынок, спасибо. Спасибо, что папин авторитет подержал. Спасибо, родной. Теперь все учителя твоей английской, черт бы её подрал, школы будут говорить, что у генерала Глинского сын — двоечник. Сбрендивший на книжках урод!

— Влад! — сдвинула брови Надежда Михайловна.

— А что — Влад?! Что Влад?! Тут света белого не видишь, из командировок не вылезает, думаешь, хоть дома-то... Да! Крепкий, понимаешь, тыл...

У отца бешено задёргалось лицо, и Боря даже отшатнулся к стенке, испугавшись. Последнее время нервы у генерала Глинского явно «подсели». Он чаще, чем обычно, повышал голос, раздражался, мог и матом послать. Да и чаще обычного выпивал рюмку-другую за ужином. Борис тогда не знал, что это было связано с трагической гибелью маршала Неделина (того самого, спасшего мать) и ещё многих других офицеров и гражданских инженеров. Они погибли при взрыве ракеты на старте — погибли прямо на глазах у Глинского, уцелевшего воистину чудом. Неделин прямо со стартовой площадки отправил Глинского кому-то позвонить. А Боре, конечно, родители об этом ничего тогда не рассказали...

Отец метнулся в комнату и выскочил оттуда с широким потёртым офицерским ремнем:

— Выдеру как сидорову козу!!!

До этого отец никогда Бориса не порол, и мальчишка очень испугался. Его страшила не столько физическая боль, сколько страшные, бешеные глаза отца.

— Владлен!

Мать буквально повисла у отца на руке.

— Влад, Владечка... Не надо, не надо...

Владлен Владимирович шумно выдохнул. Выронил ремень и тыльной стороной ладони вытер выступившую на лбу испарину. Мать продолжала его держать за руку и тихонько поглаживала:

— Владушка, Влад... Успокойся, успокойся... Это моя вина, это я недоглядела. Но это ничего. Мы всё исправим, всё выправим. Да, Боря?

— Да,— сказал Борис, глотая ком в горле. Потом он прерывисто вздохнул и добавил:

— Прости меня, папа... Я не хотел тебя расстраивать... Я просто не подумал.

— Не подумал...— отец понемногу успокаивался и говорил уже почти нормальным голосом, вот только левый глаз у него всё ещё подёргивался: — Не подумал... А надо думать... Ты уже достаточно взрослый, чтобы думать и понимать... Твоя учёба — это ещё и моя честь и репутация! Не смей позорить меня, ясно?

— Я постараюсь.

— Постарается он... В общем, так: никаких книжек, пока не исправишь оценки по всем предметам... Там посмотрим... И ещё, Надя... Надо отвести его в какую-нибудь спортивную секцию. Раз и по физкультуре он дохлый. Пусть, я не знаю, борьбой, что ли, займётся.

— Хорошо,— кротко кивнула Надежда Михайловна,— хорошо, всё сделаем, Владичка.

— Ладно,— уже почти совсем остыл генерал.— Иди сюда, сын.

Борис приблизился к отцу, и тот неожиданно обнял его и поцеловал в затылок: